№ 18.

Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности.

Алексѣй Григорьевичъ

Д 7050
22/X 19.

Разумовскій

Историческій разсказъ

Д. П. Миллера.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, допущенное особымъ отдѣломъ Мин. Нар. Просв. въ ученич б—ки народн. школъ.

ХАРЬКОВЪ
Паровая типографія И. Варшавчика, Николаевск ул., № 2.
1901.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

въ Харьковѣ—*по Ветеринарной улицѣ, школа Харьковскаго Общества Грамотности, тутъ-же и розничная продажа, послѣдняя также при 1-й, 2-й и 3-й читальняхъ, во время народныхъ чтеній въ реальномъ училищѣ, въ Москалевской школѣ Общества Грамотности и почлежномъ пріютѣ.*

Другіе склады: въ Харьковѣ—на углу Сумской и Ветеринарной, въ складѣ губернскаго земства, въ книжныхъ магазинахъ: Суворина, Куколевскаго, Михайлова, Пузакова и друг.; **въ Петербургѣ**—въ книжномъ магазинѣ А. А. Калмыковой (Литейный пр., д. № 60); **въ Москвѣ**—въ книжномъ магазинѣ Конусова (Тверская, д. Чижовыхъ), въ книжной торговлѣ Сытина, у Ильинскихъ воротъ, домъ Титова, въ складѣ книгъ и учебныхъ пособій „Сотрудникъ школъ" Залѣсской (Воздвиженка, домъ Армандъ); **въ Одессѣ**—въ складѣ Славянскаго Благотворительнаго Общества и въ книжномъ магазинѣ Шапсовича (Малый пер., д. № 8); **въ Нижнемъ-Новгородѣ**—въ складѣ Общества распространенія начальнаго образованія; **въ Твери**—въ книжномъ складѣ губернскаго земства; **въ Томскѣ**—въ Обществѣ распространенія начальнаго образованія; **въ Усмани**—въ книжной торговлѣ публичной библіотеки; **въ Кременчугѣ**—въ складѣ уѣзднаго земства; **въ Александровскѣ** (Екатерин губ.)—въ складѣ уѣзднаго земства; **въ Кіевѣ**—въ книжномъ магазинѣ Іогансона и друг., а также **въ Саратовѣ, Астрахани** и друг.

Издательскій Комитетъ Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности.

D 7050
22/X 19

Алексѣй Григорьевичъ

РАЗУМОВСКІЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

Д. П. Миллера.

Второе изданіе,

допущенное особ. отдѣломъ Мин. Нар. Просв. въ ученич. б—ки народ. школъ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія И. М. Варшавчика, Николаевская ул., № 3.
1901.

430174

Дозволено цензурою. Москва, 24 Февраля 1901 года.

Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій

Глава 1-я.

ЛЕМЕШОВСКІЙ ПАСТУХЪ.

Въ Козелецкомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, на старой почтовой дорогѣ изъ Чернигова въ Кіевъ, лежитъ теперь большое село Лемеши. Лемеши стали селомъ не очень давно, лѣтъ что-то около 100 тому назадъ, а до тѣхъ поръ были хуторомъ. Въ то время въ Лемешахъ народу было совсѣмъ мало. Жили тутъ больше козаки, было нѣсколько хатъ простыхъ хлѣборобовъ (земледѣльцевъ). Земли тогда у лемешевцевъ было мн
го; усадьбы у нихъ были просторны, ж-
огородами и левадами; полевой земли
оль, а въ лѣсъ всѣмъ, кому угодно, въ омъ
а Р
етръ лъ свободный. Богато жили тогда гдѣ

шевцы, и бѣдовалъ изъ нихъ развѣ тотъ, кто совсѣмъ не хотѣлъ работать.

Лѣтъ 180 тому назадъ въ этихъ самыхъ Лемешахъ жилъ козакъ Грицько, по прозвищу Розумъ. Въ то время, про которое идетъ наша рѣчь, Грицько былъ человѣкъ уже не молодой, лѣтъ, вѣрно, сорокъ. Считался онъ реестровымъ козакомъ *) Кіевскаго полка и среди своихъ товарищей былъ не послѣдній вояка. Сражался онъ когда-то съ татарами и со шведами, что находили на Украйну за гетмана **) Мазепу, справлялъ и потомъ съ охотою всѣ козацкія службы. Жену себѣ Розумъ взялъ изъ сосѣдняго села Адамовки, тоже козацкаго рода. Звали ее Наталкою, и была она баба добрая, разумная и работящая. Дѣтей у Розумовъ было шестеро—три сына и три дочки.

Хата Розумовъ стояла какъ разъ среди хутора. Вокругъ нея ютился вишневый садо-екъ, а за нимъ тянулся широкій огородъ.

---

*) Тогда въ Черниговской и Полтавской губ. была козачна подобіе нынѣшняго Войска Донского или Кубанскаго. Во главѣ козачества и всего Малороссійскаго края с[illegible] В[illegible] гетманы; однимъ изъ нихъ былъ Мазепа. бы

Розумиха сажала тутъ вдоволь всякихъ овощей: капусты, бураковъ, цыбули (луку), моркови, стрючковъ и всякой всячины; что нужно каждой доброй хозяйкѣ,—всего у нея было довольно. Тутъ-же, среди грядокъ, пестрѣли головки червонаго (краснаго) маку, туго стлался по землѣ „хрещатый барвинокъ“, тамъ и сямъ пестрѣла красоля, а по-надъ плетнемъ, по вишнямъ и всюду, гдѣ только можно, весело вились „крученые панычи“, радостно поворачивая свои головки на встрѣчу солнцу.

Самая хата у Розумовъ была крѣпкая, большая. Розумы выстроили ее скоро послѣ несчастливаго „шведскаго року“ *). Потолокъ подпиралъ крѣпкій сволокъ, а на немъ, какъ и теперь еще водится у иныхъ старосвѣтскихъ хозяевъ на Украйнѣ, славянскими буквами была вырѣзана надпись: „Благословеніемъ Бога Отца, поспѣшеніемъ Сына, содѣйствіемъ св. Духа создася домъ сей року 1711 мая 5 дня“. Весело выглядывала хата Розумовъ и снаружи. Заботливая хозяйка не давала дож-

*) „Шведскій рокъ“—это нашествіе шведовъ съ Карломъ на Россію, окончившееся Полтавскою битвою 1709 года, гдѣ Петръ Великій побѣдилъ шведовъ.

дю и вѣтру оббивать глины, которою была обмазана хата снаружи, и постоянно сверхъ того бѣлила еще ее и мѣломъ. На видъ можно было подумать, что въ хатѣ живетъ не простой козакъ, а какой нибудь значковый товарищъ *) или кто позаможнѣе, побогаче изъ товарищества (козаковъ).

Но не красна, говоритъ пословица, изба углами, а красна пирогами. Хоть и весела была хата у Розумовъ, но пироги въ ней пекли рѣдко Въ Розумовой хатѣ были, что называется, настоящіе „злыдни“ (т. е. бѣдность). Не то, чтобъ хозяинъ былъ человѣкъ бѣдный: и земли и всего прочаго у него было довольно, — да бѣда въ томъ, что душа у него была черезчуръ ужъ козацкая. Поется въ пѣснѣ: „Козакъ, душа правдывая, сорочки (рубашки) немае“. —Такъ было и тутъ. А все черезъ то, что крѣпко любилъ Розумъ чарку. Подвыпивъ, Грицько, по козацкой натурѣ, сразу вытряхивалъ изъ гамана (кошелька) все, что въ немъ было, а было въ немъ всегда не густо. Деньги пропивались быстро, и тогда наступала очередь шапки, кожуха, ко-

*) По нынѣшнему, козацкій урядникъ.

зацкой „сброи“, а то и женина платка или полмотка, что напряла Наталка за долгій зимній вечеръ и ранокъ. Пить Розумъ любилъ съ пріятелями, которыхъ за чаркою у него всегда находилось не мало, а, подвыпивъ, любилъ и повеличаться предъ этими пріятелями: „гей що то за голова, що то за розумъ!“—расхваливалъ онъ въ такихъ случаяхъ самого себя, тыча себѣ кулакомъ въ лобъ. Эту поговорку пьянаго Грыцька хорошо знали сосѣдніе козаки и черезъ это и самому Грицьку дали въ насмѣшку прозвище Розума.

Пьяный Розумъ былъ не изъ спокойныхъ. И женѣ и дѣтямъ доставалось тогда отъ него плохо: и прибьетъ и изъ дому утащитъ въ шинокъ, что попадется подъ руку. Чѣмъ старѣе становился Грицько, тѣмъ больше пилъ онъ и подъ старость, годамъ къ 50-ти, сталъ, можно сказать, совершеннымъ пьяницею.

Почти все время проводилъ онъ въ шинкѣ, что держалъ тутъ-же на хуторѣ сосѣдъ-козакъ, а домой приходилъ только ругаться да спать.

Извѣстное дѣло, коли мужъ пьяница, то и женѣ и дѣтямъ живется не сладко. Такъ было и тутъ. Наталкѣ самой приходилось справляться за мужа: и по хозяйству хлопотать и за дѣтьми приглядѣть, а было ихъ у нея не мало. Крѣпко надѣялась было она на старшаго сына: подростетъ Данило, думалось ей, будетъ мнѣ помощь. И дѣйствительно, Данило выросъ, да только помощи отъ него мать не дождалась. Данило скоро женился, пошелъ въ отдѣлъ, зажилъ своимъ хозяйствомъ, да только плохо: и онъ, какъ и батько, крѣпко любилъ чарку,—какое ужъ тутъ хозяйство! Наталка опять осталась одна съ пятью маленькими дѣтьми на рукахъ. Но, какъ ни плохо приходилось ей, а все-таки она не унывала. Хозяйка она была, какъ говорится, неусыпущая (неусыпная): и за дѣтьми присмотритъ, и пьянаго мужа спать уложитъ, и по хозяйству справится, и къ людямъ на поденную пойдетъ. За это всѣ и уважали ее на хуторѣ и въ одинъ голосъ называли разумною;— сказано, Розумиха.

А между тѣмъ подростали и младшія дѣти. Второй сынъ Розумихи Алеша становил-

ся уже подросткомъ. Алеша былъ хорошенькимъ чернобровымъ хлопчикомъ, съ веселыми черными глазенками. Не смотря на свои малые еще годы, онъ считался первымъ пѣвуномъ на всю округу. Голосъ у него былъ на рѣдкость, всякую пѣсню онъ перенималъ быстро, а пѣсенъ этихъ зналъ множество. У бѣдныхъ дѣти не очень-то гуляютъ: не до гулянья, когда ѣсть нечего. Не долго гулялъ и Алеша. Будь онъ хозяйскій сынъ, конечно, онъ помогалъ-бы отцу по хозяйству: дѣло всегда нашлось-бы; но старый Розумъ былъ никуда негодный хозяинъ, что называется, ледащо; хозяйство онъ почти забросилъ, и жить Алешѣ дома было не при чемъ. Поневолѣ приходилось идти въ чужіе люди, и, едва ставъ на ноги, Алеша нанялся у лемешевцевъ въ пастухи громадскаго (общественнаго) стада. Заработки у пастуха извѣстно какіе, а все-таки, когда Алеша попалъ въ пастухи, Розумихѣ стало гораздо легче: кормить приходилось уже не пять ртовъ, а только четыре. Одного только было жалко Наталкѣ: рѣдко видѣла она теперь своего хлопчика. Геть-геть до солнца, едва начинало

свѣтать, доили лемешовскія хозяйки своихъ коровъ и выгоняли на улицу. А на улицѣ раздавались звуки „сопилки“ (свирѣли): то Алеша поджидалъ череду. Гулко лязгая длиннымъ батогомъ, гналъ онъ свое стадо прочь изъ деревни и только поздно вечеромъ, когда хозяйки успѣвали наварить уже вечерю (ужинъ), по пыльной улицѣ хутора вновь раздавались звуки сопилки, хлесканье бича и мычанье возвратившагося стада. И весну, и лѣто, и осень проводилъ Алеша въ полѣ вмѣстѣ со своимъ стадомъ. Весело и беззаботно бѣгалъ онъ за чужими волами и коровами или, примостившись гдѣ-нибудь у копны, наигрывалъ на сопилкѣ и пѣлъ свои любимыя пѣсни про широкую степь, про злыхъ татаръ, про Запорожье, что слышалъ отъ старыхъ козаковъ или заходившихъ иной разъ на хуторъ слѣпыхъ бандуристовъ и лирниковъ. Крѣпко жгло его черномазое личико яркое солнце, часто обмывалъ его крупный дождикъ, и до-суха высушивали степные вѣтры. Когда съ первыми заморозками возвращался Алеша на зимовку въ батьковскую хату, Розумиха совсѣмъ почти не узна-

вала въ этомъ загорѣломъ цыганенкѣ своего любимаго хлопчика. По зимамъ Алеша жилъ дома, кое въ-чемъ помогая матери. Буднями справлялся онъ возлѣ своего нехитраго хозяйства, няньчилъ меньшаго брата да унималъ пьянаго отца, а въ праздникъ всякій разъ ходилъ въ церковь. Розумиха, хоть и бѣдная, старалась воспитывать своихъ дѣтей „звычайно“ (сообразно съ обычаями). Съ малыхъ лѣтъ учила она молитвамъ, какія сама знала, а по праздникамъ брала съ собою въ церковь. Сама она всю жизнь жила только вѣрою и надеждою на Бога. Эту вѣру передала она и своему Алешѣ. Алеша былъ мальчикъ набожный и очень любилъ бывать въ церкви. Въ самыхъ Лемешахъ церкви не было, а была она въ сосѣднемъ селѣ Чемерахъ. Сюда-то и ходилъ Алеша по праздникамъ. Не смотря на далекое разстояніе и на дурную погоду, Алеша не пропускалъ ни одного служенія. Тѣснясь всегда поближе къ клиросу, широко раскрытыми глазами глядѣлъ онъ на блескъ образовъ и золотыя ризы священника и съ восторгомъ прислушивался къ каждому звуку, когда чемерскій

дьякъ, поднявъ глаза вгору, „голосно“ (громко) выводилъ конецъ апостола.

Этотъ дьякъ скоро и самъ замѣтилъ черномазаго хлопчика, такъ пристально слѣдившаго за нимъ, дьякомъ, во время всякой службы, Узнавъ, что это сынъ Розумихи, про голосъ котораго ему уже не разъ приходилось слышать, дьякъ сталъ звать Алешу къ себѣ на клиросъ. Алешѣ только этого и было нужно, и въ то время, когда другія дѣти бѣгали по „цвынтарю“ (въ церковной оградѣ) или лазили на „дзвиныцю“ (колокольню), маленкій лемешовскій пастухъ усердно помогалъ дьяку и по клиросу и возлѣ „панотця“ (священника), когда приходило время подавать ему кадило или выносить свѣчу. И дьякъ, и панотець, и всѣ прихожане скоро полюбили голосистаго и послушнаго хлопчика. А хлопчикъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше привыкалъ къ своей новой должности. Мало-по-малу съ помощью того же дьяка сталъ онъ учиться разбирать часословъ и псалтирь. Учителю было съ нимъ хлопотъ не много: ему стоило показать всего какой-нибудь разъ, и Алеша твердо запоминалъ все

до послѣдняго слова. Чтобы поскорѣе научиться, Алеша сталъ брать у дьяка часословъ къ себѣ на домъ и здѣсь въ свободную минуту твердилъ то, что ему показывалъ учитель.

Старый Розумъ не очень-то долюбивалъ книжки и „письменныхъ“ (грамотныхъ) людей, Онъ хотѣлъ, чтобъ его сынъ вышелъ добрымъ воякою, настоящимъ „лыцаремъ“, и боялся, что книжки помѣшаютъ Алешѣ козаковать, какъ слѣдуетъ. „И зачѣмъ козаку ученіе?“—разсуждалъ онъ: „козакъ не паламарь. Много развелось теперь людей письменныхъ, и оттого-то всѣмъ стало житься плохо“. Терпѣть не могъ онъ видѣть книжку въ рукахъ сына: за книжки крѣпко ругалъ онъ Алешу, а подъ пьяную руку и билъ иной разъ. Алеша, однако, въ этомъ плохо слушался батька. По-прежнему бѣгалъ онъ, когда было можно, въ Чемеры, къ дьяку, по-прежнему бралъ у него книжки, но читать ихъ старался уже тайкомъ отъ батька. Черезъ эти книжки пришлось ему и совсѣмъ уйти изъ батьковской хаты.

Разъ какъ-то батька не было дома, и Алеша расположился почитать на полной сво-

бодѣ. Занявшись книжкою, онъ и не слышалъ, какъ возвратился отецъ. А отецъ воротился прямо изъ шинка, пьяный и сердитый. Завидѣвъ книжку въ рукахъ у сына, Розумъ бросился къ нему съ поднятыми кулаками. Перепуганный Алеша пустился на утекъ, а батько за нимъ. Нѣсколько разъ обѣжали они вокругъ хаты. Догнать Алешу пьяному Розуму не удалось. Съ сердца схватилъ онъ лежавшій на „призьбѣ“ (завалинкѣ) топоръ и бросилъ сыну въ догонку. Топоръ, къ счастью, пролетѣлъ мимо и глубоко врѣзался въ стоявшее по дорогѣ дерево. Алеша только чудомъ спасся отъ смерти. Послѣ этого случая Алеша боялся уже возвращаться домой. Онъ прямо побѣжалъ въ Чемеры къ дьяку и упросился у него въ школяры (ученики). Въ то время по Украйнѣ въ каждомъ почти селѣ была своя школа, были школы и въ деревняхъ. Въ одномъ, напр., Нѣжинскомъ полку было 217 школъ, въ Черниговѣ было 9 школъ, въ Сосницѣ 6. Такъ было и въ другихъ мѣстахъ. Обыкновенно при каждой почти церкви была своя школа, которую и содержали на свой счетъ

парафіяне (прихожане). Учительствовали въ такихъ школахъ почти всегда дьяки или пономари, которые при нихъ жили.

Сыновья „заможныхъ“ (богатыхъ) парафіянъ приходили въ школу только на время ученія, а за науку платили дьяку по уговору не деньгами, а больше хлѣбомъ или чѣмъ другимъ по хозяйству; но, кромѣ прихожихъ школьниковъ, были и такіе, которые постоянно жили въ школѣ; то были большею частью дѣти изъ самыхъ бѣдныхъ семей. Парафіяне давали имъ дровъ на топливо, давали кое-когда „борошна“ (муки), капусты или другого чего; тутъ они и жили. Школяровъ часто звали читать псалтирь по мертвомъ, и за то полагалась имъ особенная плата. По праздникамъ школяры ходили по парафіи славить и отъ каждаго хозяина получали, кто что дастъ. У дьяка и батюшки школяры были за „попыхачей“— справляли на нихъ работу, какую прикажутъ. Жилось такимъ школярамъ не очень сладко. Съ голоду бѣгали они иной разъ по чужимъ дворамъ и огородамъ за добычею и, если попадались, то бывали биты.

Въ такую то школу упросился и нашъ лемешовскій пастухъ. Дьякъ принялъ его съ великою охотою. Алеша былъ хлопчикъ послушный, учился онъ прилежно, а когда нужно, и самому дьяку помогалъ по хозяйству: и лошадь напоитъ, и навозъ вычиститъ, и дьячихѣ подсобитъ по ея женскому дѣлу. За это и дьякъ, и дьячиха, и самъ панотець скоро полюбили мальчика, какъ своего роднаго. Къ тому-же и учился Алеша лучше всѣхъ своихъ товарищей. Дьякъ былъ имъ совершенно доволенъ и, если задавалъ ему иной разъ ,,прочухана" (т. е. билъ его), то только потому, что безъ этого, по его мнѣнію, въ школѣ обойтись было никакъ невозможно. Во время каждой службы Алеша по-прежнему пѣлъ и читалъ на клиросѣ и скоро узналъ весь порядокъ церковнаго обихода. Съ лѣтами его чудный голосъ сталъ еще лучше. Слава о немъ прошла по всей округѣ. Не только чемеряне, но и изъ другихъ парафій приходили въ Чемерскую церковь послушать пѣніе молодого Розуменка.

А между тѣмъ время шло, Алеша росъ, выравнивался и сталъ красивымъ, чернобро-

вымъ „парубкомъ“. Теперь онъ былъ уже главнымъ помощникомъ дьяка, „поддьячимъ“. И прихожане и панотець, видя, какъ хорошо справляетъ онъ все дьяческое дѣло, говорили, что изъ него выйдетъ дьякъ на удивленіе. Да и самъ Алеша не прочь былъ отъ дьячковскаго мѣста. Въ то время въ дьячки попадали не такъ, какъ теперь. Тогда тотъ, кто хотѣлъ быть дьякомъ, поступалъ въ ученіе къ какому нибудь опытному и хорошо знающему свое дѣло дьяку и у него проходилъ весь курсъ дьяковской науки. Тутъ нужно было научиться не только читать и пѣть, но и умѣнью держать себѣ во время службы. Хорошій дьякъ долженъ былъ знать, какъ выйти на середину церкви во время чтенія паремій и апостола, какъ стоять, какъ держать голову и руки, когда повышать и понижать голосъ при чтеніи и пѣніи, какъ вести себя во время поминокъ и свадебъ съ прихожанами и священникомъ и много другого. Чтобы узнать все это, требовалось не малое время. Когда оканчивалось ученіе, ново-обученный дьякъ отправлялся искать себѣ парафіи. Прійдя въ приходъ, гдѣ было свободное дьяч-

ковское мѣсто, такой дьякъ прежде всего показывалъ передъ прихожанами свое умѣнье справлять дьяческое дѣло. Онъ служилъ въ приходской церкви одну или двѣ службы и, если нравился прихожанамъ, то уговаривался, когда и почемъ ему брать за требы, сколько земли должны дать ему прихожане, и обо всемъ прочемъ. Послѣ этого онъ шелъ къ архіерею, получалъ отъ него посвященіе и становился уже настоящимъ дьякомъ. Такимъ-то дьякомъ, вѣрно, сталъ бы и молодой Розумъ, но судьба готовила ему иное.

Въ Чемеры пріѣхалъ полковникъ Вишневскій. Онъ ѣхалъ въ Петербургъ и въ Чемерахъ остановился только на время. Какъ разъ въ этотъ день случился какой-то праздникъ, и полковнику вздумалось зайти въ церковь. Тамъ онъ и услышалъ пѣніе Розума. Не даромъ чемеряне гордились своимъ поддьячимъ. Вишневскій служилъ при самой государынѣ, слышалъ лучшихъ царскихъ пѣвчихъ, бывалъ и за границею; но такого рѣдкаго голоса, какъ у Розума, ему до тѣхъ поръ встрѣчать не приходилось. Полковникъ зналъ хорошо, какъ дорожатъ въ Петербур-

гѣ хорошими пѣвцами. Онъ обратился къ священнику, узналъ отъ него, кто былъ этотъ пѣвчій, и предложилъ Розуму ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ, обѣщая пристроить его тамъ къ царской пѣвческой. Полковникъ сулилъ Розуму золотыя горы, а дома онъ могъ быть всего только дьякомъ, да и то когда-то будетъ. На родичей Алексѣю тоже надѣяться было нечего: отецъ совсѣмъ спился съ кругу, хозяйство разстроилось, а мать мыкалась по поденной. Выбирать, значитъ, было не изъ чего, и потому чемерскій поддьячій скоро согласился на предложеніе полковника. Сборы были не долги: у молодаго Розума были только черныя брови да дивный голосъ, и, наскоро распростившись со своимъ учителемъ дьякомъ и родичами, улетѣлъ онъ вмѣстѣ съ полковникомъ искать счастья въ далекую столицу.

Глава 2-я.

ЦАРСКІЙ ПѢВЧІЙ.

Невеселою показалась чемерскому поддьячему долгая дорога въ Петербургъ, а са-

мый Петербургъ—сумрачнымъ и непривѣтливымъ. Сырой воздухъ, вѣчная слякоть, чужіе люди, чужая, мало-привычная рѣчь наводили на него тоску, и не разъ вздохнулось ему по томъ времени, когда онъ, босой, въ „батьковской латаной свитынѣ“ (одеждѣ съ заплатами) бѣгалъ за чужою чередою (стадомъ), а кругомъ его ширилась гладь родныхъ полей, и горячо пекло родное украинское солнце. Даже въ церкви казалось ему не такъ, какъ дома. Воротить прошлаго однако было невозможно, да и жалѣть о немъ Розуму было некогда.

Вскорѣ послѣ пріѣзда полковникъ Вишневскій представилъ его графу Левенвольду, который въ то время управлялъ всѣмъ дворцовымъ хозяйствомъ, а Левенвольдъ зачислилъ его въ придворный хоръ государыни. Розуму вздохнулось свободнѣе. Здѣсь онъ встрѣтилъ много земляковъ, такихъ-же украинцевъ, какъ и онъ самъ. Малороссія издавна славилась хорошими голосами. Съ давнихъ годовъ набирались здѣсь пѣвчіе для царскаго хора. На поиски голосистыхъ пѣвцовъ сюда отправлялись изъ Петербурга на-

рочитые чиновники, а въ городѣ Глуховѣ была даже устроена особая пѣвческая школа, изъ которой лучшіе пѣвцы посылались въ Петербургъ и опредѣлялись въ царскіе пѣвчіе. Бывшій чемерскій поддьячій скоро перезнакомился со всѣми своими земляками. Ихъ общество мало-по-малу разсѣяло тоску по родномъ краѣ, которая не покидала его съ самаго пріѣзда въ столицу.

Въ царскомъ хорѣ Розуму, однако, пришлось пробыть недолго. Черезъ нѣсколько времени послѣ поступленія ему пришлось пѣть въ придворной церкви. Какъ разъ въ этотъ день здѣсь была двоюродная сестра государыни, цесаревна Елизавета Петровна. Ей понравилось пѣніе Розума; голосу его соотвѣтствовала и наружность: высокій, стройный, съ чудными черными глазами, чернобровый пѣвчій былъ настоящимъ красавцемъ.

Цесаревна очень любила пѣніе. Ея придворный хоръ послѣ царскаго считался лучшимъ въ Петербургѣ. Она упросила графа Левенвольда уступить ей Розума; тотъ согласился, и Розумъ перечисленъ былъ на службу ко двору цесаревны.

Елизавета Петровна была дочь перваго русскаго Императора Петра Великаго. Рано осталась она круглою сиротою: ей было всего 16-ть лѣтъ, когда умеръ отецъ, а черезъ 2 года она лишилась и матери. Изъ близкихъ родныхъ у цесаревны остался племянникъ, молодой Императоръ Петръ II, да жила далеко за-границею сестра, выданная замужъ за одного нѣмецкаго князя. Скоро, однако, умерла и сестра, а вслѣдъ за нею и 15-лѣтній императоръ, и цесаревна осталась совсѣмъ, какъ говорится, безъ роду—безъ племени. Изъ всего потомства перваго Императора въ живыхъ остались только она да маленькій племянникъ, сынъ покойной сестры. Молодая цесаревна очутилась, такимъ образомъ, прямою наслѣдницею царскаго престола; но царицею стала не она, а ея двоюродная сестра Анна Ивановна, раньше бывшая замужемъ за герцогомъ Курляндскимъ. Изъ Курляндіи съ Анною Ивановною явилось въ Россію много нѣмцевъ, и скоро въ ихъ рукахъ очутились всѣ главныя должности. Нымцы косо смотрѣли на все русское, не нравилась имъ и молодая цесаревна. Да и

сама государыня не долюбливала сестры. Она боялась, что послѣ ея смерти царскій престолъ достанется не ея родичамъ, а этой нелюбимой двоюродной сестрѣ. О чувствахъ государыни, конечно, хорошо знали всѣ придворные и въ угоду ей старались держаться подальше отъ цесаревны. Знала объ этомъ и сама цесаревна; при дворѣ она показывалась рѣдко и жила въ своемъ отдѣльномъ дворцѣ, совершенно уединенно, окруженная немногими близкими ей людьми. Съ этими людьми дѣлила она горе и радости.

Въ число этихъ немногихъ попалъ и нашъ чемерскій поддьячій. И здѣсь, какъ и въ царскомъ хорѣ, Розумъ встрѣтилъ много земляковъ. Въ придворной церкви цесаревны священникомъ былъ сперва отецъ Константій, родомъ изъ Украины, а потомъ отецъ Ѳедоръ Дубянскій, тоже малороссъ. Украинцемъ былъ и секретарь цесаревны Мировичъ. Нашлись Розуму земляки и среди пѣвчихъ; такъ что, попавъ на службу къ цесаревнѣ, онъ сразу сдѣлался своимъ человѣкомъ среди ея придворныхъ. Земляки—малороссы встрѣтили его радушно, а сама

цесаревна была въ полномъ восторгѣ отъ его чуднаго голоса. Она сразу отличила Розума среди своихъ остальныхъ пѣвчихъ, его помѣстили въ отдѣльныхъ комнатахъ и дали высшее, противъ другихъ пѣвчихъ жалованье.

Всѣ придворные Елизаветы Петровны жили дружно и весело. Самой цесаревнѣ шелъ въ то время всего 22-й годъ. Во всемъ Петербургѣ считалась она первою красавицею, а нрава была веселого и простаго. Пошутить, попѣть, потанцовать было для нея первымъ удовольствіемъ. Цесаревна любила веселиться по простотѣ, вмѣстѣ со всею своею дворнею. Въ цесаревниномъ дворцѣ часто устраивались танцы, до которыхъ Елизавета Петровна была большою охотницею. Устраивались иногда и маскарады. Переряживались не только сама цесаревна и ея придворные, но и всѣ слуги, и тогда шуткамъ и смѣху не было конца. Елизавета Петровна очень любила пѣніе. Часто собирала она придворныхъ пѣвчихъ и заставляла пѣть свои любимыя русскія и украинскія пѣсни. Украинскія пѣсни пѣлись у нея хоромъ и подъ бан-

дуру. Для этого при ея дворѣ содержался особый бандуристъ, слѣпой Грицько, нарочно выписанный изъ Малороссіи. Особенно весело справлялись въ цесаревниномъ дворцѣ свадьбы ея придворныхъ и слугъ. Цесаревна уступала молодымъ свои собственныя комнаты, сама помогала одѣвать невѣсту къ вѣнцу и принимала участіе во всѣхъ танцахъ. Вмѣстѣ съ цесаревною на такихъ свадьбахъ бывалъ и весь ея дворъ, играла придворная музыка, и пѣли придворные пѣвчіе, которыхъ Елизавета Петровна въ шутку называла своимъ „хоромъ честнымъ, воспѣвальнымъ“. Поздно ночью, передъ самою зарею расходились утомленные гости, чтобы завтра снова собраться славить молодыхъ на княжомъ пиру. И долго, иногда по цѣлой недѣлѣ, длились свадебные пиры и веселье въ веселомъ дворцѣ молодой цесаревны.

Несмотря на веселый характеръ, цесаревнѣ жилось далеко не всегда весело. При дворѣ ей не довѣряли, за нею строго слѣдили, всякое ея слово доносилось государынѣ и толковалось въ самомъ дурномъ для нея смыслѣ. Слѣдили не только за нею,

но и за ея придворными. Одного изъ нихъ, очень преданнаго, за то, что онъ говорилъ о правахъ Елизаветы на престолъ, схватили, пытали, заключили въ каменный мѣшокъ и наконецъ вырѣзали языкъ и сослали въ Камчатку. Это до того потрясло цесаревну, что она хотѣла было совсѣмъ отказаться отъ свѣта и идти въ монастырь, такъ что придворнымъ едва удалось отговорить ее отъ этого намѣренія. Цесаревна долгое время была вполнѣ безутѣшна. Мысль объ участи этого несчастнаго наводила на нее ужасъ. Она запиралась въ своемъ дворцѣ и здѣсь, среди небольшаго общества преданныхъ ей людей, искала утѣшенія въ своемъ горѣ.

Среди этихъ людей Розумъ скоро занялъ очень видное мѣсто. Бывшій лемешовскій пастухъ оказался не только рѣдкостнымъ пѣвчимъ, но и самымъ преданнымъ слугою.

Никто лучше его не умѣлъ угодить цесаревнѣ, никто лучше его не умѣлъ утѣшить ее въ горькія минуты одиночества. Розумъ безпрекословно исполнялъ всѣ ея приказанія. Розумъ напередъ угадывалъ ея мысли. Розумъ свято хранилъ всѣ ея секреты. Моло-

дой пѣвчій служилъ своей госпожѣ съ полнымъ усердіемъ, не только за страхъ, но и за совѣсть. И цесаревна цѣнила это усердіе и все больше отличала его среди остальныхъ своихъ придворныхъ. Когда Розумъ потерялъ голосъ, цесаревна назначила его сперва придворнымъ бандуристомъ, а потомъ управляющимъ одного изъ своихъ имѣній. Прошло еще нѣсколько времени, и подъ управленіе Розума перешли одно за другимъ и остальныя имѣнія цесаревны, и скоро онъ сдѣлался главнымъ распорядителемъ всего ея хозяйства Розумъ сталъ теперь важнымъ человѣкомъ. Его милости заискивали не только придворные цесаревны, но и ея родичи. Бывшій лемешовскій пастухъ назывался уже не просто Розумомъ, а господиномъ Разумовскимъ, а сама цесаревна звала его своимъ „другомъ нелицемѣрнымъ“.

Въ то время, какъ молодой Розумъ шелъ въ гору и выдвигался въ люди, въ Лемешахъ жилось чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Старый Розумъ постарѣлъ еще больше и совсѣмъ спился съ кругу. Прошло еще немного времени, и храбраго вояку навѣкъ уложили въ

тѣсную „домовину“ (могилу); скоро за нимъ Розумихѣ пришлось похоронить старшаго сына Данилу. Кромѣ собственныхъ дѣтей, на руки Наталки перешли и внуки. Прокормить ихъ всѣхъ ей стало совсѣмъ не подъ силу. Хозяйство разстроилось, веселая Розумовская хата совсѣмъ стала „пусткою“, дѣти сидѣли голодные, а про средняго сына Наталка не знала, ни гдѣ онъ, ни что съ нимъ. Съ горя надумала она идти въ Козелецъ на богомолье: она пообѣщала отслужить въ Козелецкой церкви молебенъ, если Богъ пошлетъ ей хоть какую нибудь помощь. Но и на богомолье надобно было денегъ или хоть хлѣба, а ни того, ни другого у Наталки не было. „Хоть хаты буду людямъ по дорогѣ мазать, а дойду“,—рѣшила Розумиха и пошла, оставивъ дома голодныхъ дѣтей. На ея счастье помощь была недалека. На дорогѣ нашла она ножикъ, обдѣланный въ золото, продала его, отслужила молебенъ и воротилась домой съ хлѣбомъ и обновками. А дома ждала ее новая радость. Здѣсь она получила первое письмо отъ сына. Черезъ пріѣзжавшихъ въ Петербургъ земляковъ Розумъ

извѣстилъ мать о своемъ житьѣ-бытьѣ и послалъ первую помощь. Радости Наталки не было конца; вмѣстѣ съ нею радовались и всѣ лемешовцы. Десятки разъ заставляли они чемерскаго дьяка перечитывать письмо Алексѣя, десятки разъ выслушивали поклоны, что посылалъ бывшій лемешовскій пастухъ всѣмъ своимъ родичамъ и знакомымъ. И въ Лемешахъ, и въ Чемерахъ велись безконечные разговоры о томъ, въ какомъ почетѣ теперь сынъ Розумихи, какой важный панъ изъ него вышелъ. Послѣ самой Наталки больше всѣхъ радовался чемерскій дьякъ: недаромъ-же онъ пріютилъ у себя безпріютнаго мальчика, не даромъ столько лѣтъ училъ его уму-разуму.

Съ этихъ поръ письма стали приходить чаще и чаще.

„Счастлывый той чоловикъ на свити бувае,
Котрый чтыть отця и неньку поважае;
Бо отцева молытва, паниматчина
Зо дна моря вынимае,
Отъ смертельнаго гриха откупляе".

Молодой Розумъ хорошо понималъ эти мудрыя слова старой думы и не забывалъ родичей; онъ помогалъ имъ деньгами и,

чѣмъ только могъ. Въ Лемеши то и дѣло приходили изъ Петербурга письма, а вмѣстѣ съ ними и гостинцы. Дѣла Розумихи скоро поправились. На полученныя отъ сына деньги Наталка завела корчму и занялась шинкарствомъ *). Прошло еще немного времени, подросли дивчата (дочери-дѣвушки), случились люди, и Розумиха справила три свадьбы, почти одну за другою. Старшую дочь она выдала за ткача, вторую за закройщика, а третью за козака. Младшаго сына Кирюшу Розумиха отдала въ науку тому же самому дьяку, который училъ и Алексѣя.

Глава 3-я.

ДАЛЬНѢЙШАЯ СУДЬБА.

Прошло 10 лѣтъ. Розумъ по-прежнему оставался главнымъ управителемъ двора цесаревны, по-прежнему продолжалъ пользоваться ея расположеніемъ. А между тѣмъ за это время въ Петербургѣ успѣли произойти

*) Это занятіе въ то время не имѣло ничего предосудительнаго: сбывать хлѣбъ было трудно, и потому многіе обыватели (и знатные и простые) имѣли свои винокурни и занимались продажею „горилки“ (водки).

важныя перемѣны. Умерла Императрица Анна Ивановна, и по ея завѣщанію царскій престолъ достался ея новорожденному внуку, брауншвейгскому принцу Ивану Антоновичу. Новому Императору было отъ роду всего 2 мѣсяца, и за его малолѣтствомъ править Россіею стала его мать, принцесса Анна Леопольдовна и приближенные къ ней нѣмцы. Уже и при покойной государынѣ нѣмцы забрали въ свои руки высшія должности, а теперь, когда правительницею государства сдѣлалась нѣмка, нѣмцы стали полными хозяевами всего русскаго царства. Хозяевами, однако, нѣмцы оказалися плохими. Государь былъ ребенокъ: до его совершеннолѣтія было еще очень далеко. Войско и народъ желали видѣть въ царскомъ престолѣ государя русскаго; настоящею-же русскою среди всей царской фамиліи была одна цесаревна Елизавета Петровна. Всѣ знали, что ее неправильно устранили отъ престола, что она прямая наслѣдница русскаго царства. Молодая цесаревна своимъ ласковымъ обхожденіемъ и простотою успѣла пріобрѣсти себѣ любовь и знатныхъ вельможъ и простого

народа, а войско, не успѣвшее еще забыть перваго Императора, готово было положить голову за нее. Всѣ ждали только ея приказанія, чтобы посадить ее на царскій престолъ и по-свойски расправиться съ нѣмцами. Цесаревна хорошо знала объ этомъ, но дѣйствовать открыто не рѣшалась. А между тѣмъ ропотъ все больше и больше усиливался. Въ народѣ стали ходить тревожные слухи, стали поговаривать о желаніи нѣмцевъ запереть царевну въ монастырь. Теперь цесаревнѣ не оставалось ничего другаго, какъ открыто объявить себя законною наслѣдницею царскаго престола. Такъ она и сдѣлала.

Въ ночь съ 24-е на 25-е ноября 1741 г. Елизавета Петровна явилась въ гвардейскія казармы. Солдаты съ восторгомъ встрѣтили давно жданную гостью и тотчасъ-же присягнули ей въ вѣрности. Съ ихъ помощью императоръ Иванъ Антоновичъ, принцесса Анна Леопольдовна и приближенные къ ней нѣмцы были арестованы, а въ 8 час. утра цесаревна Елизавета Петровна была уже Императрицею всероссійскою и при радост-

ныхъ крикахъ народа и войска переѣхала въ императорскій дворецъ.

Щедро одарила молодая царица всѣхъ своихъ помощниковъ и приближенныхъ. Помогавшіе ей гвардейскіе солдаты сдѣланы были дворянами и получили въ награду деревни и крестьянъ. Изъ нихъ при государынѣ составленъ былъ особый отрядъ подъ названіемъ лейбъ-компаніи. Прежніе придворные царевны осыпаны были наградами и милостями. Не были забыты и простые слуги. Всѣ приближенные новой государыни, на которыхъ еще вчера никто не хотѣлъ обращать вниманія, вдругъ стали первыми людьми въ государствѣ. Щедрою рукою разсыпая награды направо и налѣво, царица не могла забыть своего „друга нелицемѣрнаго“. Тотчасъ-же по воцареніи Елизавета Петровна назначила Розума генераломъ, а въ день коронаціи онъ былъ сдѣланъ оберъ-егермейстеромъ *) и кавалеромъ самаго высшаго русскаго ордена св. Андрея Первозваннаго. Въ тоже время прибывшій изъ-за границы племянникъ государыни, голштинскій

*) Это высокій придворный чинъ.

цогъ Петръ Ѳедоровичъ, назначилъ его кавалеромъ голштинскаго ордена св. Анны. Награды посыпались теперь на Розума одна за другою. Скоро послѣ коронаціи царица подарила ему изъ собственныхъ своихъ вотчинъ села Троицко-Болычево, Рождественно-Полѣсье и Никольское—Карачево въ Можайскомъ уѣздѣ и подмосковное село Знаменское, а черезъ нѣсколько дней къ этому подарку прибавила еще нѣсколько имѣній въ Малороссіи: мѣстечки Ропскъ и Баклань и хутора возлѣ Носовки и Адамовки

Вышло такъ, какъ бываетъ только въ сказкѣ: бывшій лемешовскій пастухъ, благодаря великодушію Императрицы, вдругъ сталъ важнымъ придворнымъ сановникомъ и однимъ изъ богатѣйшихъ вельможъ въ Россіи. Но онъ не возгордился: первымъ дѣломъ его было повидаться съ матерью и родными. Тотчасъ-же послѣ коронаціи въ Лемеши посланъ былъ курьеръ къ старой Розумихѣ съ письмомъ и просьбою пріѣхать въ Москву, гдѣ въ то время находился дворъ. Старая Розумиха, которую теперь всѣ величали Натальею Демьяновною госпожею Разумовскою,

взяла съ собою въ Москву младшаго сына Кирюшу и внучку. Ее везли въ столицу съ особеннымъ почетомъ. Вездѣ по дорогѣ ее встрѣчали и провожали украинскіе начальники. За нѣсколько верстъ до Москвы на встрѣчу матери выѣхалъ ея сановный сынъ. Увидѣвъ важнаго, увѣшаннаго орденами и звѣздами, вельможу, въ расшитомъ золотомъ кафтанѣ, Розумиха долго отказывалась вѣрить, что передъ нею ея собственный сынъ, и только тогда убѣдилась въ этомъ, когда увидѣла у него на тѣлѣ знакомое родимое пятнышко. Но и послѣ этого старуха еще долго не могла прійти въ себя. Сотни разъ принималась она разглядывать со всѣхъ сторонъ своего Алексѣя, безъ конца любовалась его стройнымъ станомъ, черными очами, его шелковымъ, расшитымъ золотомъ кафтаномъ и блестящими бриліантовыми звѣздами, и смѣялась и плакала, вспоминая этого самаго Алексѣя пастухомъ громадскаго (общественнаго) стада, загорѣлаго, босоногаго, въ длиной не поросту батьковской латаной свитынѣ.

Розумиху привезли въ Москву. Здѣсь ее жидала сама государыня, давно желавшая

видѣть мать своего „друга нелицемѣрнаго“. Но прежде, чѣмъ показать ее царицѣ, нужно было одѣть ее по-придворному. Розумиха пріѣхала въ хохлацкомъ нарядѣ—очипкѣ и плахтѣ, одѣтая такъ, какъ одѣвались въ Малороссіи богатыя козачки. А при дворѣ всѣ ходили во франпузскихъ платьяхъ, пудрились, румянились и носили парики (чужіе волоса). Пришлось на старости лѣтъ переряживаться и нашей лемешовской старушкѣ. Ее напудрили, нарумянили, нарядили въ модное платье, устроили высокую модную прическу и въ такомъ видѣ повезли во дворецъ. По дорогѣ кто-то изъ придворныхъ сказалъ ей, что предъ государынею она должна стать на колѣни. Розумиха обѣщала исполнить приказаніе; но, едва вошла она во дворецъ, какъ очутилась предъ громаднымъ, во всю стѣну зеркаломъ. Увидѣвъ въ немъ свое собственное изображеніе въ богатомъ, непривычномъ нарядѣ, старуха не узнала себя саму: она приняла себя за государыню и бросилась передъ зеркаломъ на колѣни и только тогда поняла свою ошибку, когда придворные растолковали ей, въ чемъ дѣло

Радушно встрѣтила царица свою лемешовскую гостью. Ее помѣстили вмѣстѣ съ сыномъ и внучкою во дворцѣ, и здѣсь у нея перебывала вся петербургская и московская знать. Елизавета Петровна осыпала старуху знаками своего вниманія. Она подарила ей свой портретъ, украшенный брилліантами, и назначила своею статсъ-дамою, а такой чести въ то время, какъ и теперь, удостаивались только жены самыхъ высшихъ сановниковъ, и то очень рѣдко. Придворные старались наперерывъ другъ предъ другомъ угождать матери Алексѣя Разумовскаго, а самъ онъ исполнялъ всѣ ея желанія. Но, не смотря на любовь сына и всеобщій почетъ, жизнь во дворцѣ тяготила старушку. Не по сердцу пришлись ей модные придворные наряды: „ни систы, ни статы, ни до роботы; що то за одежа?!“ съ сердцемъ говорила про нихъ Розумиха. Скоро сбросила она съ себя французскія платья, выкинула за окно пудру и румяна и опять нарядилась въ очипокъ и плахту. Не подходила она по своимъ понятіямъ и привычкамъ къ придворному быту. „Глузують зъ мене, старои людыны“ — (смѣ-

ются съ меня старой), думалось ей при видѣ всѣхъ этихъ разодѣтыхъ людей. И нужно сказать правду, Розумиха на этотъ счетъ не ошибалась; почтительно шаркавшіе и присѣдавшіе предъ нею кавалеры и дамы за ея же спиною пересмѣивались на счетъ ея мужицкихъ манеръ и хохлацкой рѣчи. Изъ всѣхъ гостей своихъ Розумиха съ неподдѣльною радостью встрѣчала только пріѣзжавшихъ въ столицу земляковъ украинцевъ и ихъ женъ. Ихъ пріѣздъ былъ для нея настоящимъ праздникомъ. Среди великолѣпныхъ залъ разстилались богатые ковры, въ кружокъ садились на нихъ земляки и землячки вмѣстѣ съ самою хозяйкою, призывались придворные украинскіе пѣвчіе и бандуристы. И долго велись тутъ задушевныя рѣчи про родную сторону, ласковою улыбкою свѣтилось лицо хозяйки, любезно слушались знакомые напѣвы народныхъ пѣсенъ. А между тѣмъ прислуга дѣлала свое дѣло: одна за другою вынимались изъ печи зеленыя поливянныя кубышки, до краевъ наполнялись фарфоровыя чашки ароматною „вареною“, усердно угощались ею гости, пѣвчіе и сама

хозяйка. Но послѣ отъѣзда земляковъ Розумихѣ становилось еще скучнѣе. Стояло лѣто, и старой козачкѣ не сидѣлось въ каменныхъ палатахъ Кремлевскаго дворца: ее такъ и тянуло въ деревню. Розумихѣ на яву грезилась степь, покрытая косарями и „грабарями", и она какъ будто слышала душистый запахъ свѣжаго сѣна. И, чѣмъ дальше шло лѣто, тѣмъ невыносимѣе казалась ей ея праздная жизнь. Вотъ зашли и жнива, и для старой козачки настоящая мука: родные Лемеши, родная нива не выходили у нея изъ мысли. Тамъ теперь, думалось ей, кипитъ работа,—идетъ уборка хлѣба, убираютъ и ея ниву, да только чужіе люди, и, можетъ быть, гибнетъ Божій даръ безъ хозяйскаго ока, а она сидитъ тутъ безъ дѣла... И кому нужна она здѣсь въ этихъ палатахъ? Совсѣмъ тутъ она не на мѣстѣ, совсѣмъ тутъ она лишняя. Конечно, хорошо ей у сына: и любитъ онъ ее, и лелѣетъ и почитаетъ, какъ должно, по закону, а все-же не хозяйка она у него въ домѣ: всѣмъ распоряжается толстый французъ, а ей и руки приложить не къ чему. Да и не понимаетъ

она ничего въ панскомъ хозяйствѣ; одно только видитъ,—какъ даромъ идетъ сыновнее добро по карманамъ праздной челяди... Съ каждымъ днемъ старуха скучала все больше и больше, а въ концѣ лѣта стала совсѣмъ проситься домой. Долго уговаривалъ ее сынъ; но старая козачка стояла на своемъ, и ему по неволѣ пришлось уступить. Осенью, когда дворъ сталъ собираться къ отъѣзду въ Петербургъ, Розумиха уѣхала на родину, оставивъ младшаго сына Кирюшу и внучку на попеченіе старшаго сына.

На обратномъ пути, въ Малороссію Наталья Демьяновна была встрѣчена съ особеннымъ почетомъ. Генералъ Бибиковъ, правившій въ то время Украйною, задалъ въ честь ея пиръ, на который приглашено было все малорусское панство. Оболенскій считалъ за особую честь покумиться съ вельможною старухою и просилъ ее вмѣстѣ съ Бибиковымъ быть воспріемницею его новорожденнаго сына. Безбородко, глуховскій сотникъ Якубовичъ—всѣ наперерывъ приглашали къ себѣ „госпожу Разумовскую“. Всѣ наперебой заискивали ея дружбы, а когда старуха вы-

ѣхала наконецъ изъ Глухова въ родные Лемеши, провожать ее вызвался цѣлый полкъ разнаго начальства: тутъ былъ и Кіевскій полковникъ Танскій, и его братъ, и сынъ Нѣжинскаго полковника Божича, и много другихъ.

Розумиха поселилась возлѣ Лемешей на одномъ изъ хуторовъ, подаренныхъ ея Алексѣю царицею, выстроила здѣсь церковь, построила усадьбу и занялась хозяйствомъ.

Крѣпко любилъ Алексѣй Григорьевичъ мать и родичей, крѣпко любилъ онъ и родину свою, о которой вспоминалъ чуть не ежедневно во все время своего житья въ столицѣ. Бывшій лемешовскій пастухъ покровительствовалъ своимъ землякамъ и выдвигалъ ихъ впередъ, гдѣ только было можно. Объ этомъ давно знали на Украйнѣ и страшно обрадовались, когда услышали о вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны. Украинцамъ хорошо было извѣстно, какою милостью пользуется у новой царицы ихъ лемешовскій землякъ, и отъ него ждали теперь они для себя всякихъ благъ и облегченій. Тотчасъ-же по полученіи извѣстія о вступленіи новой царицы на престолъ, въ

Малороссіи было рѣшено послать въ столицу особую депутацію поздравить государыню да кстати и похлопотать о разныхъ мѣстныхъ нуждахъ. А нуждъ такихъ къ тому времени набралось очень и очень довольно. До царствованія Анны Ивановны Малороссіею управляли особые начальники-гетманы, выбиравшіеся по общему согласію тамошнихъ жителей; но въ 1734 г. послѣ смерти гетмана Даніила Апостола новаго гетмана выбирать малороссамъ не позволили. Украйною стали управлять присланные изъ Петербурга генералы и, хотя по закону они должны были во всемъ совѣтоваться съ малороссійскими начальниками, но на дѣлѣ дѣйствовали самостоятельно.

Первымъ дѣломъ депутатовъ по прибытіи въ столицу было побывать у Разумовскаго. Здѣсь встрѣтили они самый радушный пріемъ. Алексѣй Григорьевичъ сейчасъ-же представилъ своихъ земляковъ государынѣ, а царица сама выслушала ихъ просьбы и обнадежила своею милостью. При дворѣ депутатовъ принимали, какъ нельзя лучше. Ихъ приглашали на всѣ придворные балы и увеселенія, возили въ оперу и маскарадъ, по-

казывали академію, кунсткамеру, звѣринецъ и другія рѣдкости. Во время коронаціи депутаты участвовали въ торжественной процессіи и во всѣхъ празднествахъ. Разумовскій близко принималъ къ сердцу всѣ ихъ просьбы, хлопоталъ и заступался за нихъ, гдѣ только было нужно. Благодаря ему, тотчасъ-же по прибытіи депутатовъ въ сенатѣ зашла рѣчь о томъ, какъ облегчить положеніе малороссійскаго населенія. Отъ разговоровъ скоро перешли и къ дѣлу: стоявшимъ на Украйнѣ войскамъ строго было запрещено обижать жителей, брать даромъ провіантъ, дрова и пр., какъ это дѣлалось до тѣхъ поръ; смѣщены были прежніе начальники, а новымъ приказано примѣняться къ мѣстнымъ обычаямъ; сняты были всѣ недоимки и тѣ повинности, которыя были самовольно наложены на жителей начальствомъ; украинскимъ „хлѣборобамъ“ дозволенъ былъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто; для облегченія населенія, содержавшаго на свой счетъ почтовую гоньбу, почта въ Малороссіи была уничтожена, за исключеніемъ тракта отъ Кіева до Глухова; возвра-

щено было изъ Сибири много украинцевъ, сосланныхъ туда въ прежніе годы, а кіевскимъ мѣщанамъ подтверждены отнятыя было у нихъ старыя права и льготы.

Въ теченіе всего времени житья въ столицѣ депутаты бывали въ гостяхъ у Алексѣя Григорьевича почти ежедневно. Бывшій лемешовскій пастухъ принималъ своихъ земляковъ, какъ близкихъ родичей. Для нихъ онъ устраивалъ обѣды и ужины, съ ними проводилъ время до глубокой ночи, съ ними и подпивалъ иной разъ крѣпко, такъ крѣпко, что на другой день депутаты не могли поднять головы „ради вчерашняго шумства“. Глядя на Разумовскаго, не уступали въ радушіи и другіе вельможи. О своемъ житьѣ депутаты аккуратно отписывали въ Украйну. А на Украйнѣ съ радостью читали столичныя вѣсти, съ восторгомъ встрѣчали новыя распоряженія правительства, благословляли милостивую, великодушную Императрицу и отъ всего сердца благодарили Разумовскаго за его любовь къ родному краю. Черезъ нѣкоторое время Императрица захотѣла лично посѣтить Малороссію, увидѣть

мать городовъ русскихъ Кіевъ, поклониться мощамъ Кіево-Печерскихъ угодниковъ. И она совершила это путешествіе въ сопровожденіи наслѣдника престола, его невѣсты и большой свиты, въ числѣ которой былъ и Разумовскій. Пріемъ Государынѣ въ Малороссіи былъ оказанъ чрезвычайно радушный, и она вынесла изъ своего путешествія самыя лучшія впечатлѣнія. Она увидѣла, какъ преданъ ей малороссійскій народъ, и рѣшила удовлетворить всеобщее желаніе козаковъ возстановить въ Малороссіи гетманскую власть. Такую именно просьбу подали Императрицѣ депутаты, а ходатаемъ передъ нею выступилъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Гетманомъ, по желанію Императрицы, былъ избранъ младшій братъ Алексѣя Григорьевича Кириллъ, который недавно передъ тѣмъ вернулся изъ за-границы, куда его посылали для обученія разнымъ наукамъ.

Самъ Алексѣй Григорьевичъ неизмѣнно пользовался милостями доброй Государыни и достигъ самыхъ высокихъ ранговъ: получилъ графскій титулъ и былъ сдѣланъ фельд-

маршаломъ (главнокомандующимъ); но и тутъ онъ не возгордился, не сталъ злоупотреблять своимъ вліяніемъ и значеніемъ, какъ это обыкновенно дѣлали другіе. Во всю жизнь свою онъ оставался человѣкомъ съ добрымъ сердцемъ, отзывчивымъ ко всякой просьбѣ и нуждѣ. Онъ не стыдился своего низкаго происхожденія, своихъ родныхъ, старыхъ деревенскихъ знакомыхъ. Онъ помнилъ о тѣхъ людяхъ, которые помогли ему въ юности, и постарался наградить ихъ за это, достигши знатныхъ чиновъ, богатства и власти. Полковникъ Вишневскій, привезшій его въ Петербургъ, получилъ генеральскій чинъ, имѣнія и сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ; чемерскій дьякъ, обучавшій когда-то Алешу Розума грамотѣ, былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ смотрителемъ придворнаго сада. Но Алексѣй Григорьевичъ помогалъ не только тѣмъ, кому былъ чѣмъ нибудь обязанъ, а и всѣмъ своимъ землякамъ; онъ былъ за нихъ постояннымъ ходатаемъ у доброй Императрицы. Мало того, онъ часто просилъ даже за тѣхъ, кто къ нему не обращался, если видѣлъ,

что извѣстный человѣкъ нуждается въ заступничествѣ: тутъ дѣйствовала его обычная доброта. Такъ дѣло продолжалось до самой смерти царицы Елизаветы Петровны. Смерть благодѣтельницы повергла его въ страшное горе и отчаяніе. Онъ просилъ молодаго государя Петра Ѳеодоровича уволить его ото всѣхъ должностей и изъ всѣхъ огромныхъ имѣній оставить за нимъ только одинъ Козелецкій хуторъ, гдѣ онъ разсчитывалъ провести остатокъ своихъ дней. Ему въ это время было уже 52 года; приближалась старость; хотѣлось отдыха и покоя. Давно уже тянуло его на родную сторону, къ яснымъ зорямъ, тихимъ водамъ Украйны; ему грезился ясный лѣтній вечеръ, веселый хуторъ близь родныхъ Лемешей, весь потонувшій въ зелени садовъ, и его собственная старость, тихая и ясная, какъ этотъ вечеръ. Но государь оставилъ за нимъ всѣ его имѣнія.

Не такъ склалось, какъ ожидалось. Не подъ соломенною стрѣхою хуторянскаго дома, а въ своемъ пышномъ Аничковскомъ дворцѣ провелъ Алексѣй Григорьевичъ послѣднія 10 лѣтъ жизни. Изрѣдка покидалъ онъ свои

роскошныя палаты и появлялся на придворныхъ празднествахъ. И Императоръ Петръ Ѳеодоровичъ и царствовавшая послѣ него Государыня Екатерина II-я весьма радушно встрѣчали его. Онъ рѣдко выѣзжалъ изъ дому, но зато любилъ видѣть вокругъ себя общество и считался чуть ли не самымъ радушнымъ хозяиномъ во всей столицѣ; къ нему собиралась вся знать, и его роскошные пиры напоминали старикамъ—вельможамъ незабвенное для нихъ царствованіе Елизаветы Петровны; но и теперь пышный дворецъ Разумовскаго былъ по-прежнему открытъ для его земляковъ: они находили тутъ для себя радушный пріемъ и гостепріимство

Тихо догоралъ ясный вечеръ Разумовскаго, спокойно ожидалъ онъ приближенія ночи. А ночь была уже не загорами: 6-го іюля 1771 года потухла послѣдняя зорька,—и стараго фельдмаршала не стало.

Д. Миллеръ.

Нижеслѣдующія Комитета изданія

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

№

13. А. Г. Разумовскій.
14. Южно-Уссурійскій край и переселенцы.

Допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщ. въ ученическ. библіотеки народныхъ училищъ.

15. Жуковскій—**допущена** въ ученич. б-ки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведен., въ народныя читальни и на народныя чтенія.
16. Очерки изъ американской жизни.
17. Голодный годъ.
19. О шелкѣ—**одобрена** для библ. всѣхъ низш. и средн. учебн. заведеній
20. Прекрасная Нивернеза—**допущена** въ библ. всѣхъ низшихъ и средн. учебныхъ заведеній и въ народн. читал.
21. Добрые люди стараго времени на Руси.
22. Швейцарія, полн. изд.

Допущена въ ученич. библіот. низшихъ и средн. учебн. заведеній, народн. читал. и для народныхъ чтеній.

23. Магометъ.
24. Желѣзныя дороги—**допущена** въ библіот. всѣхъ низшихъ и среднихъ учебн. завед., народн. читальни и для народн. чтеній.
25. Перекоты-поле.
26. Овраги, ихъ закрѣпленіе и облѣсеніе—**одобрена** для библ. всѣхъ низшихъ и среднихъ учебн. заведеній.
27. Г. С. Сковорода.
29. Какъ живутъ Китайцы—**допущена** въ ученическ. библіот. городск. и сельскихъ училищъ и въ народн. читальни.
30. Голландія. | 31. Братства. | 32. На краю свѣта. | 33. Школа.
34. Сестра Катерина—**допущена** въ ученич. библ. народн. учил., народн читальни и для народн. чтеній.
35. Карлъ Великій—**допущена** въ ученическ. библ. низш. и средн. учебн. завед., народн. читальни и для народн. чтеній.
36. Заселеніе Новороссійскаго края и Потемкинъ—**допущ.** въ ученическ. библ. городск. и сельск. учил. и въ народн. читальни.
37. Друзья.
38. Дѣва Орлеанская (Жанна д'Аркъ).

Допущены въ ученич. библ. низш. и среднихъ учебн. завед. и народн. читальни.

39. Славный парень.
40. Жидъ.

Допущ. въ народныя читальни и библ. низш. и средн. учебн. заведен.

41. Страшная смерть невиннаго человѣка—**допущ.** въ народн. читал. и учительск. библ. низшихъ училищъ.
42. О чумѣ человѣка—**допущ** въ народ. читальни и учит. б-ки низш. учил.
43. Новый свѣтъ—**допущ.** въ ученическ. библ. низшихъ и средн. учебныхъ завед. и въ безплатн. народн. библ. и читальни.
44. Маленькіе странствующіе итальянцы—**допущ.** въ народн. читал. ученическ. библ. и для народн. чтеній.
45. Отецъ Наркиссосъ и дядя Иванъ—**одобрена** для народн. читаленъ, ученическ. библ. низшихъ училищъ и для народн. чтеній.
46. О вредныхъ народныхъ обычаяхъ—**допущена** въ народн. библіот.-читальни, учительск. библ. низш. училищъ и для народн. чтеній
47. Разсказы о доисторическомъ бытѣ.
48. Народный дворецъ—**допущена** въ народн. библ.-читальни, учительск

49. Гусъ и Лютеръ.
49(а) Бѣлый штурманъ.
50. Швейцарія (сокращенное изд.) Допущ. въ ученик. б-ки низшихъ и среднихъ учеб. завед., народныя читальни и для народн. чтеній.
51. А. С. Пушкинъ. Жизнеописаніе и сборникъ стихотвореній. Допущены въ народн. читальни и б-ки низш. и средн. учебн. зав.
52. Сказки Пушкина. Одобрены для тѣхъ-же читаленъ и библіот.
53. Три разсказа.
54. О полярныхъ странахъ.
55. Разсказы о жизни звѣрей.
56. Дидъ Евменъ.
57. Джонъ Ингерфильдъ.
58. Рыжакъ.
59. Стихот. Шевченко.
60. Хижина дяди Тома.
61. Бесѣда о пользѣ отъ занятія пчеловодствомъ.
62. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.
63. Бесѣды врача съ крестьянами о заразныхъ болѣзняхъ
64. Бесѣды врача съ крестьянами о скарлатинѣ.
65. Бесѣды врача съ крестьянами о брюшномъ тифѣ.
66. Бесѣды врача съ крестьянами о натуральной оспѣ.
67. Бесѣда врача съ крестьянами о заразныхъ болѣзняхъ, 1) О заразныхъ болѣзняхъ, 2) О скарлотинѣ, 3) О брюшномъ тифѣ, 4) О натуральной оспѣ.
68. Отважный путешественникъ Фритіофъ Нансенъ.
69. Воздухъ и явленія, въ немъ происходящія.
70. Бесѣды о внутренности земли.
71 Буры и ихъ страна.
72. Маленькій Стась.
73. Генри Стэнли, его жизнь и путешествія.

Имѣются на складѣ—Е. Чикаленко. Розмова про сельске хозяйство. 1-ва книжка. Цѣна 3 руб. сотня.

Лица, пріобрѣтающія изъ главнаго склада въ Харьковѣ, платятъ за сотню: №№ 63, 64 и 66 по 85 к., розничная продажа—1 к.; №№ 15, 16, 17, 19, 21, 26, 27, 29, 34, 37, 38, 45, 46, 47, 55, 56, 57, 61, 62 и 65 по 1 р. 5 к., розн. продажа—1½ к.; №№ 49, 49(а), 53 и 54 по 1 р. 80 к., розничная продажа 2 к.; №№ 13, 14, 20, 22, 23, 24, 25, 31, 32, 33, 35, 36, 39, 40; 42, 44, 50, 52, 58 60, 67 и 72 по 2 р. 10 к., рознич. продажа—3 коп.; № 71 по 2 р. 25 к розничная продажа по 3 коп.; №№ 30 и 41 по 2 р. 75 к., розничная продажа по 4 коп., №№ 48 и 70 по 3 р., розничная продажа по 4 к.; № 73 по 3 р. 50 к., розничная продажа по 4 к.; № 43 и 68 по 4 р., розничная продажа по 5 коп.; № 59 по 5 р. 25 коп.; № 51 и 69 по 6 руб

Пересылка на счетъ покупателя.

Главный складъ изданій въ Харьковѣ: Ветеринарная, № 26 домъ Общества Грамотности, Издательскій Комитетъ.